

КЛУБНЫЙ МАНЬЯК

ИВАН КОВАЛЕНКО

КЛУБНЫЙ МАНЬЯК

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К56

Коваленко, Иван Юрьевич.

К56 Клубный маньяк / Иван Коваленко. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Метод «молчаливого допроса»). Детектив).

ISBN 978-5-04-193186-5

В Москве орудует маньяк, прозванный «клубным». Свои жертвы он выбирает на техно-вечеринках, после которых провозжает девушек домой и там расправляется с ними. Полиция подозревает, что в деле замешаны таксисты, развозящие под утро одурманенных танцоров. Но Тимофей Лотоцкий, сыщик, владеющий уникальным методом «молчаливого допроса», не согласен с этой версией. Пытаясь проникнуть в атмосферу подобных party, он вместе с коллегой по работе Варварой проводит в одном из клубов целую ночь. Но и здесь... ничего.

Неожиданно сыщикам становится известно, что в одном из хосписов есть пациент, который утверждает, что знает, как найти маньяка. Интересно, что может сказать умалишенный старик, чудом выживший в тяжелой автокатастрофе? Однако Тимофей хватается за эту зацепку и спешит «послушать» необычного свидетеля...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Коваленко И.Ю., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-193186-5

Пролог

ОН УБЬЕТ

Иногда дни бывают прозрачными, и все в них кристально чисто, как в графине с родниковой водой. А иногда похожи на мутную городскую реку, которая меняет свой цвет с коричневого на серый или с темно-зеленого на цвет беспамятства. Что делать с такими днями?

Когда-то у меня были жена и дочь, но я их не помню. Я, честно говоря, вообще ничего не помню. Врачи говорят, они обе погибли несколько лет назад в жуткой аварии, где из трех человек только я остался жив. Но этого я не помню тоже.

Все мое прошлое — закованная в гранит городская река. Настолько мутная, что не понятно: есть у нее дно или его нет. Мерзкая вода.

Москва-река. И горожане-рыбаки, которые рано поутру замерли со своими удочками. Я один из них: пытаюсь выловить из своего прошлого хотя бы мелкую рыбешку. Вот-вот

должен дернуться поплавок, и я что-то вспомню. Но нет.

Человеческий ум — загадка. Может стать для человека воротами, может открыть волшебные миры или поднять человека на высоты, недостижимые для птиц, но не в моем случае. Я старик без прошлого, а мое беспмятство — крест и моя обыденность.

Многие наверняка не поймут моей скорби. Поскольку мечтают как раз об обратном: проснуться однажды и ощутить себя чистым листом бумаги. Полагают, что, оказавшись без рюкзака с прошлым за спиной, им будет легче подниматься в гору или, что уж там, вместо крутого подъема вверх перед ними окажется долина с цветами, поющими птицами и чистым небом над головой. Это недалевидный взгляд на вещи. Без прошлого человек теряет себя. Поэтому правильнее меня назвать не стариком, а потерянным. Осколком на полу. Консервной банкой где-то на обочине дороги.

Брошенной машиной с полуспущенными шинами.

Дальше обойдемся без аллюзий: я действительно ничего не помню. Такой вот подарок от Господа Бога. Каждый день я провожу в хосписе, где продлевается жизнь таких странников, как я, — людей без близких и, в общем-то, без какой-либо надежды. Некоторые

из нас похожи на застывшие камни — как мой сосед по комнате, — потому что его ум перестал быть умом и все, что ему осталось, — это принимать из чужих рук пищу.

Некоторые тяжело больны физически, и участь первых показалась бы им избавлением. Самым несчастным не помогают даже болеутоляющие препараты.

А есть персонажи вроде меня — которые когда-то потеряли своих родных, а потом и память. И единственным их занятием становится ловля рыбы — одно из едва ощутимых воспоминаний в этой чудовищной темно-синей реке по имени амнезия.

Рыбы — существа своенравные. Плавают где хотят, и окрас их может радовать, а может вселять ужас.

Моя память — это загадочный сундук, к которому я изо дня в день пытаюсь подобрать ключ. Бесполезно. Я бы, может, и забросил это занятие: лежал бы себе спокойно на постели, смотрел телевизор, листал страницы в Интернете. Но в моем сундуке что-то происходит. Иногда, кажется, я слышу голоса, а иногда ощущаю не оформившиеся в слова мысли. И все они говорят об одном: этот человек начнет убивать.

Наверняка жена, которая у меня была когда-то (так говорят), или взрослая дочь, погиб-

шая вместе с ней, нашли бы слова и помогли мне справиться. Сидели бы рядом. Но их уже много лет нет, а вместе с ними нет и меня.

Есть только человек, имени которого я не помню, внешность которого расплывчата, как вечерняя тень. И только намерения его мне очевидны. Убивать. Возможно, он уже начал это делать.

Его образ, который и образом-то назвать нельзя, посещает меня каждый вечер, когда я принимаю таблетки и ложусь спать. И в такие моменты я хочу одного: лишиться памяти окончательно. Потому что если амнезия в чем-то спасает, то ощущение бессилия уничтожает окончательно.

Ангел-хранитель и его подруга

Мегаполис Москва. Одних он пугает, других вдохновляет, но большинству москвичей приносит растерянность: как сохранить внутренний мир посреди того, что и суетой-то назвать нельзя, скорее, это чудовищное мельтешение без начала и конца. Без конца и какого-либо начала.

Тимофей и Варвара — двое полицейских. Сидят на скамейке в сквере недалеко от участка, пьют кофе и наблюдают за птицами. Голуби суетятся под ногами, зяблики выводят трели, сидя на ветках деревьев, желтоклювые скворцы высматривают места для будущих гнезд, а серые вороны поглядывают на это свысока, время от времени устраивая между собой свой собственный, вороний, гвалт.

Тимофей и Варвара: оба молоды и оба необыкновенны. Или, наоборот, обыкновенны, потому что все в их жизни обыденно: оба работают, а вне работы у каждого обычные для всех заботы. Он ведет тихую холостяцкую

жизнь 40-летнего мужчины, а она только что перестала быть женой. Ничего необычного.

Тимофей обещал себе не спрашивать ее о разводе, но почему бы, наконец, не спросить? Прошло три месяца, кольца она больше не носит. Раньше их было два: обручальное и еще одно, с небольшим камнем, на другой руке, а теперь ни одного. Словно вместе с браком она лишилась в своей жизни чего-то еще. Самая красивая женщина в их участке, а может, и во всей столичной полиции.

— Тебе одиноко? — спрашивает он наконец.

Варвара продолжает смотреть перед собой, будто никакого вопроса и не было. Вообще-то они не только коллеги, но и товарищи, а возможно, друзья. По крайней мере, ему самому так иногда казалось. Но друзья не имеют тайн, а Варвара — одна сплошная тайна, по крайней мере, во всем, что касается личной жизни. Даже о том, что она с мужем расстанется, Тимофей узнал случайно — Варвара вскользь сообщила об этом, пока они ехали в машине по одному делу. Больше на эту тему Варвара за три месяца не произнесла ни слова. Только через несколько дней с ее безымянного пальца пропало кольцо, а еще через пару недель исчезло и второе. И на кого

она стала после этого похожа: на разведенную женщину или на невесту, — он понять так и не мог.

— Одиночество — это не приговор, — произнесла наконец Варвара и сделала глоток кофе из стаканчика. В голосе ее не было ни сожаления, ни показной бодрости. Просто ответ на вопрос.

Возможно, так и должны общаться настоящие друзья?

Накрапывал весенний дождь. Если представить, что даже у дождя может быть свое настроение, то этот был осторожным — как будто не решался нарушить хрупкую гармонию, которая установилась в городе. Снега не осталось, солнце согревало прохожих, ветер разносил пыль, а тучи то появлялись, то куда-то исчезали.

— К тебе подходил Антонов? — прервала молчание Варвара.

— Пока нет.

— Ему понадобится твоя помощь. Возможно, он поймал убийцу. Но тот все отрицает.

«Как чаще всего и бывает», — подумал Тимофей.

К нему часто обращались за помощью. И какие только прозвища ему ни давали: «молчаливый следователь», «ангел-храни-

тель». Варвара иногда называла его «Израиль» — такой же мудрый, как эта приютившаяся посреди арабского мира страна, и такой же проницательный, как ее ветхозаветные подвижники.

«Молчаливый следователь». По большому счету, все именно так и было.

Еще не будучи полицейским он каким-то образом понял для себя, что истина чаще всего таится между слов. Это не имело ничего общего с кинесикой — полицейской методикой, когда подозреваемого оценивают с точки зрения мельчайших деталей в его поведении: мимики, движения рук или любой части тела — тех внешних проявлений, которые выдают лжеца на корню. Конечно, все это тоже важно и бывает прекрасным дополнением к выводам, которые Тимофей делал для себя. Но главным для него было молчание. А точнее тишина, которая свидетельствовала бы о полной гармонии.

Абсолютной тишины не бывает — только в кельях христианских анахоретов. Но именно созерцание делало его самым необычным следователем и дознавателем — не только в Москве, но и во всей России, а может, и во всем мире.

К Тимофею приводили подозреваемых, когда не хватало доказательств их вины и нужно

было понять, имеет смысл идти ва-банк на традиционном допросе, или это человек, на которого не следовало тратить время.

Ангел-хранитель, спасший отдел от многих ошибок и уберегший город от многих новых преступлений.

Как правило все происходит так.

Два человека сидят друг напротив друга: Тимофей и обвиняемый. А дальше — полчаса того, что можно было бы назвать мистикой. Хотя его коллеги предпочитали не называть происходящее никак. Просто сопереживали и ждали вердикта.

Все задержанные ждут вопросов и готовят к ним ответы. Тимофей же не произносит на протяжении получаса ни слова. И своим абсолютным молчанием разрушает все условности и рамки, которые до этого момента существовали.

Это можно было бы назвать искусством допроса, а можно — даром. Не было почти никого, кто бы остался для него загадкой в течение этого получаса. Лишь несколько раз Тимофей говорил: «Не знаю». Но чаще выходил из кабинета и сообщал своим коллегам: «Да, это он». Или же: «Нет, это не он». Или же: «По этому делу он невиновен, но это преступник. Поищите связи с другими делами».

Самое главное, что с юридической точки зрения это не было дознанием. По сути, полчаса молчания были для уголовного процесса вообще ничем. Поэтому эти «сеансы», как иногда их называла Варвара, проходили без адвокатов. Просто два человека сидели напротив друг друга. Никто никому ничем не обязан.

Три убитые женщины

Антонов — оптимист. Их коллега, о котором говорили, что он счастливо женат, а раскрывать дела ему помогает не столько ум, сколько умение на все смотреть позитивно, даже на убийства.

«Драма делу не поможет», — говорил он и выглядел каждый день настолько свежо и аккуратно, что и не подумаешь, что он с утра до вечера копается в уликах, а работу его оценивают с точки зрения того, сколько преступников он поймал, а сколько осталось на свободе.

Последние дни Антонов работал над делом, которое назвали «убийство клубных девушек». В Москве в разных частях города находили трупы молодых женщин. Каждая из них накануне побывала в одном из ночных клубов на техно-вечеринке. Все они были задушены у себя в квартире, и каждый раз убийца не оставлял следов.